

Услышав, как открылась дверь, Морис обернулся. Увидев Хань Цзина, он мягко улыбнулся, но тут же снова повернулся к мерцающему экрану, возвращаясь к прерванному видеозвонку.

— Он вернулся? Твой взгляд сейчас стал точь-в-точь как солнце во Флориде — способен растопить любой лед, — раздался из динамика чарующий голос.

На том конце провода красовалась роскошная вилла в окружении густых пальм, залитая яркими огнями. Свет витринных панорамных окон дрожал на водной глади бассейна. Вещество Аноид, заменявшее воду, отливало глубокой лазурью и расходилось тихими кругами, вспыхивая бледно-золотыми искрами.

— Но какова она, эта тающая во льдах красота? И на вашей планете действительно всего одно солнце?

Симо пленительно улыбнулся и подпер точеный подбородок изящной ладонью. Его фиалковые глаза неотрывно смотрели на Мориса сквозь разделявшее их расстояние. Он сидел у самой кромки бассейна, совершенно нагой; длинные, как смоль, влажные волосы шелковым водопадом струились по бледной, точно резной нефрит, коже.

Он по-прежнему говорил на языке планеты Камера. Эта речь, передаваемая через земную сеть по защищенным каналам, не поддавалась никакой дешифровке, но Морис понимал его без труда. Способности Симо поражали: он уже легко оперировал земными названиями вроде Флориды и описывал зимние пейзажи, хотя никогда в жизни не видел настоящего снега.

— На озере Лугано зимой невероятно красиво. Я бывал там несколько раз. Если захочешь посмотреть, Лэнс с удовольствием тебя проводит. Там величественные заснеженные горы, чистейшая вода и старинные виллы с галереями искусств.

Морис строго следовал предписаниям Федерального правительства, не упуская ни единого шанса сблизить этих двоих.

— Лэнс? — на губах Симо заиграла лукавая усмешка. — Тот самый военный, который то и дело маячит передо мной и вечно витает в облаках?

Тонкие пальцы скользнули по экрану, пролистывая отправленные Морисом фотографии альпийских видов. Отношение Симо к телохранителю оставалось загадкой.

— Лэнс — твой телохранитель. Его долг — обеспечивать твою безопасность, — спокойно отозвался Морис.

Заставить Лэнса потерять голову от неземной красоты Симо было делом нехитрым. Куда сложнее — подвести его к решению перешагнуть через пропасть между расами и связать судьбу с русалкой. Для этого требовалось безумное, всепоглощающее чувство. Способен ли

Лэнс на такую же слепую страсть, которая сейчас сжигала самого Мориса?

— Он всегда такой неразговорчивый? Или считает, что роль няньки оскорбляет его звание генерал-майора?

Симо грациозно поднялся на ноги и посмотрел куда-то в сторону. Там, в отдалении, стоял Лэнс. Стоило их взглядам пересечься, как офицер тут же отвел глаза, явно стараясь не смотреть на русалку.

— А может, он просто боится моей истинной природы?

Симо задорно прищурился, а его губы изогнулись в дразнящей улыбке. С легким всплеском он ласточкой нырнул в лазурную пучину Аноида, подняв сноп сверкающих брызг.

На мгновение все затихло. Затем над колеблющейся гладью вновь показалось его лицо поразительной красоты. Длинные влажные пряди облепили безупречные плечи.

— Передавай привет Хань Цзину, — вдруг отчетливо произнес Симо на чистом английском.

Он подплыл к борту и оперся на него локтями. Под бледным лунным светом его серебристый хвост вспыхнул фантастическим, призрачным сиянием.

— Ты ведешь проект Симо? — спросил Хань Цзин, подходя ближе. Он посмотрел на застывший на экране снимок — даже случайный кадр казался шедевром искусства. — Он живет в частной резиденции? Не боитесь утечки информации?

— Район Капель, где расположена его вилла, полностью контролируется правительством. Все соседи — наши оперативники под прикрытием.

Морис захлопнул крышку терминала. Эти сведения не были строгой тайной для военного руководства, так что скрывать их от любимого не имело смысла.

— И все же отправлять Лэнса в телохранители... Не слишком ли это для боевого офицера?

Хань Цзин знал, что после завершения экспедиции миссии «SG-I» и Лэнс, и его собственный старший сокурсник получили новые звания.

— Лэнс лично участвовал в контакте и успел поладить с Симо. Лучшей кандидатуры сейчас не найти, — сухо ответил Морис. Посвящать Хань Цзина в секреты категории «S» он не планировал, а потому поспешил сменить тему: — Сам не пойму, что со мной творится последние дни. Постоянно тянет на то, чего раньше терпеть не мог. И слабость наваливается — приходится ложиться спать днем.

Он недовольно нахмурился. Ему казалось, что от чрезмерной заботы Хань Цзина он совсем разленился, да и тело ощущалось каким-то тяжелым.

— Так ведь малышка растет, — улыбнулся Хань Цзин. — Конечно, она забирает все твои силы.

Он принялся доставать из пакетов контейнеры с едой и расставлять их на столе. Казалось, он купил половину меню ресторана «Сукотай».

— Рис с манго, том-ям и запеченная рыба под соусом из зеленого лайма.

Хань Цзин уже приноровился к капризному аппетиту своего генерала: морепродукты с кисло-сладким вкусом не вызывали у того тошноты.

— Думаешь, она снова подросла?

Морис поднялся. От долгого сидения за работой поясницу немилосердно ломило. Потирая затекшую спину, он подошел к столу.

— Боюсь, скоро этот округлившийся живот уже ни под каким мундиром не спрячешь.

— Ну и не прячь, дело-то житейское.

Хань Цзин заботливо подложил под спину любимого мягкую подушку.

— Тебе нужно лучше питаться и набираться сил. Помнишь, когда мы возвращались из больницы Святого Винсента? Другие беременные на пятом месяце выглядели куда крепче тебя. Раньше я был слишком невнимателен. Теперь моя главная задача — хорошенько тебя откормить.

— Только не вздумай сделать из меня толстяка...

Морис нахмурился и невольно замер с палочками в руках. Он вспомнил тех пациентов в больничных коридорах — некоторые из них из-за чрезмерной опеки раздобрели до полной потери формы, превратившись в бесформенные тумбы, фигуру после которых не вернуть годами. Риск растерять былую военную выправку пугал его до глубины души.

Будь Хань Цзин внимательнее, он сразу бы уловил эту перемену в настроении партнера. Но сейчас его мысли занимал недавний разговор с матерью, и он заметно витал в облаках.

— Что-то случилось? — спросил Морис. Он посмотрел на свою пустую тарелку: Хань Цзин, вопреки обыкновению, даже не думал ухаживать за ним за столом.

— Да так, ничего... — Хань Цзин встряхнулся и попытался уйти от прямого ответа. — Просто отпуск пролетает слишком быстро, осталось всего ничего. Как твои дела на службе?

— Почти со всем закончил, так что выходные обещают быть спокойными, — Морис отложил палочки и накрыл ладонь юноши своей. — К чему эти расспросы? У тебя есть планы?

Под его пронизательным взглядом Хань Цзин замялся, но все же решился:

— Я хотел спросить... Если ты не против и у тебя будет время... В эти выходные у моего отца юбилей.

— Хочешь познакомить меня со своими родителями?

— Да... Понимаю, что все это слишком внезапно, — смущенно улыбнулся Хань Цзин. — Если ты занят, мы можем съездить в другой раз.

Морис на мгновение опешил. Рано или поздно это должно было произойти, но сейчас, когда вопрос встал ребром, четырехзвездный генерал вдруг почувствовал странное, давно забытое волнение. словно он снова превратился в зеленого кадета, вызванного на ковер к суровому начальству.

Впрочем, он быстро взял себя в руки и мягко улыбнулся:

— Что любит твой отец? Нельзя же являться на первую встречу без подарка. К тому же у вас на Востоке столько тонкостей в этикете.

— Так ты поедешь со мной?

— Конечно, — Морис лаконично кивнул, его губы тронула теплая улыбка.

Все прошло гораздо проще, чем Хань Цзин смел надеяться. На радостях он крепко обнял Мориса:

— Тебе нужно только быть рядом. Обо всем остальном я позабочусь сам!

Хуайнин был древним городом на юге Китая, чья история насчитывала более тысячи лет. Именно здесь покоился прах одного из величайших полководцев династии Хань. Дом семьи Хань находился в южном районе — тихом, провинциальном местечке, далеко от шума мегаполисов. Чтобы добраться туда после прилета, нужно было сделать пересадку и еще

полчаса трястись в скоростном поезде.

Для Мориса этот день выдался сумасшедшим. Утром он спешно закрывал последние дела в штабе, а уже после полудня вместе с Хань Цзином пробивался сквозь толчею пятничного аэропорта. Позади остались тысячи миль перелета и утомительная дорога на поезде. И вот, наконец, перед ними выросли очертания древнего Хуайнина.

— Устал? Прости, скоро приедем, — стояло им сесть в такси, как Хань Цзин ласково сжал руку Мориса. Сердце его сжималось от сочувствия. Небо уже окрасилось в багровые тона заката — из-за задержек рейсов они опоздали почти на три часа.

— Все в порядке, — Морис ответил легким рукопожатием. Пытаясь скрыть навалившуюся усталость, он повернулся к окну.

— Посмотри, это сад Ханьхоу, — оживился Хань Цзин, указывая на проносящийся мимо традиционный китайский парк с белыми стенами и черепичными крышами. — Там находится кенотаф Хань Синя, знаменитого полководца и одного из основателей династии Западная Хань.

— Я знаю его историю, — неторопливо отозвался Морис, вглядываясь в изящные беседки за оградой. В его сапфировых глазах отразилась глубокая задумчивость. — Хань Синь, хоу Хуайинь. Он начинал простым стражником, а стал великим главнокомандующим. Непобедимый стратег, превосходивший врагов умом даже в самых безнадежных битвах. «Притворно чинить деревянные мостки, тайно пробираться через Чэньцан», «сражение спиной к реке», «песни Чу со всех сторон»... Он оставил потомкам бесценное наследие. Но парадокс в том, что его тактику никто так и не смог повторить. Многие генералы позже пытались применить прием «сражения спиной к реке», обрекая себя на верную гибель, и неизменно терпели сокрушительное поражение.

Он помолчал немного, а затем продолжил:

— Его главный соперник, великий Сян Юй, Западный Чу Баван, тоже всю жизнь побеждал вопреки превосходящим силам врага. Но единственное его поражение — от рук Хань Синя — стало роковым и привело к самоубийству на берегу реки Уцзян.

Слушая, с какой легкостью этот иностранец сыплет историческими терминами и именами, Хань Цзин невольно изумился. Его собственные познания в этой области едва ли превосходили то, что сейчас рассказал Морис.

Генерал заметил его удивление и с улыбкой пояснил:

— В военной академии у нас был отдельный курс по стратегиям древности.

— Вот оно что, — Хань Цзин понимающе кивнул. Ну конечно, глупо было забывать, что перед

ним сидит блестящий офицер высшего ранга. Взглянув на знакомые улицы за стеклом такси, он посерьезнел: — Мы почти на месте. Пожалуйста, помни, о чем я просил. У отца тяжелый, властный характер. Если он скажет что-то резкое, постарайся не принимать близко к сердцу и не спорить с ним.

Юноша не на шутку тревожился. Отец привык быть непререкаемым авторитетом в семье и разговаривал со всеми исключительно поучающим тоном. Наверняка он попытается провернуть это и с Морисом. Но ведь Морис — четырехзвездный генерал армии! На этой планете едва ли нашлось бы и пару человек, способных отчитывать его в лицо. От одной мысли о возможном столкновении характеров у Хань Цзина начинала раскалываться голова.

— Ты так плохо обо мне думаешь? — Морис примиряюще похлопал его по ладони. — Не переживай, я справлюсь не хуже твоего зятя. Ты ведь говорил, что у них с твоим отцом прекрасные отношения?

— У них все хорошо, потому что сестра у меня покладистая. А вот я в свое время настоял на занятиях математикой вместо бизнеса. Мы из-за этого крупно рассорились, и до сих пор отношения натянутые. Боюсь, он может сорвать зло на тебе.

— Почему? Твои успехи в науке неоспоримы.

— В его глазах чистая математика — это пустая трата времени, не приносящая реальных денег. Он всегда хотел, чтобы я занялся коммерцией и унаследовал семейное дело. Но мне это чуждо. Я хочу сам распоряжаться своей судьбой, а не прогибаться под чужие ожидания.

Морис сочувственно нахмурился. Ему была понятна эта тяжесть вековых традиций, которая до сих пор давила на плечи молодых людей на Востоке.

— Что бы ты ни выбрал, если это делает тебя счастливым и не нарушает законов Федерации, я всегда буду на твоей стороне, — он сжал ладонь Хань Цзина, передавая ему свою уверенность.

Такси затормозило у ворот загородного дома. Передний дворик был оформлен в классическом китайском стиле: ухоженные посадки зеленого бамбука соседствовали с нежно-розовыми персиковыми деревьями, а в их тени пряталась изящная восьмиугольная беседка. В багровых лучах заходящего солнца навстречу им поспешила женщина средних лет.

— Молодой господин, наконец-то вы дома! Госпожа уже извелась вся, даже хотела сама ехать на вокзал встречать вас.

— Чжан-ма, я ведь звонил днем, — мягко ответил Хань Цзин. — Самолет задержали. Мы потому и предупредили заранее, чтобы вы не волновались.

Пожилая служанка с удивлением наблюдала, как молодой хозяин сам достает из багажника увесистый чемодан. Гость — высокий, статный европеец с золотистыми волосами и точеными чертами лица — даже не подумал помочь с тяжелой ношей. Принимая у Хань Цзина вещи, Чжан-ма бросила на незнакомца настороженный взгляд.

— Простите, а как представить вашего гостя?

— Это Морис, — улыбнулся Хань Цзин.

Едва они поднялись по каменным ступеням крыльца, как двери распахнулись и навстречу им выбежала хозяйка дома.

— Мама! — Хань Цзин широко раскрыл объятия и крепко прижал ее к себе. — Скучала по мне?

— Конечно, глупый, конечно скучала... Дапусти ты, задушишь ведь! — беззлобно заворчала госпожа Хань, но рук не разжала, жадно вглядываясь в лицо сына. — Опять исхудал совсем.

— Ну мама, ты при каждой встрече это говоришь. Если бы я худел так, как тебе кажется, от меня бы давно одни кости остались.

— Но в этот раз ты действительно выглядишь изможденным.

— Тебе кажется, — отмахнулся Хань Цзин, переводя все в шутку. Разумеется, рассказывать о тяготах секретных космических миссий родителям было нельзя.

Морис стоял чуть поодаль. Глядя на эту теплую семейную сцену, он почувствовал, как в груди защемило. В его глазах промелькнула грусть — перед мысленным взором невольно всплыли картины далекого детства и образ его собственной матери, ушедшей слишком рано.

Наконец госпожа Хань отстранилась. Убедившись, что ее единственный сын жив, здоров и невредим, она перевела дыхание и лишь тогда обратила внимание на статного молчаливого иностранца.

«А где же та девушка, о которой он говорил по телефону?..»

Госпожа Хань растерялась. Она незаметно разглядывала гостя. Тонкие, безупречно благородные черты лица, вежливая полуулыбка, за которой скрывалось врожденное, истинно аристократическое величие — женщина с ее жизненным опытом сразу поняла, что перед ней человек непростой.

«Такие люди не водятся в кругу обычных ученых-математиков. Что у них может быть общего?»

Она перебирала в памяти прежних друзей и коллег сына, но никто из них близко не стоял с этим человеком. Морис держался невероятно величественно, затмевая своей харизмой даже знаменитых киноактеров. И все же... госпожа Хань пригляделась внимательнее. В его осанке сквозила легкая, мягкая округлость, выдававшая недавнюю полноту в теле. Да и само лицо казалось смутно знакомым. Где же она могла его видеть?

Заметив оценивающий взгляд матери, Хань Цзин подошел к Морису и открыто взял его за руку, переплетая пальцы.

— Мама, знакомься. Это Морис. Тот самый, о ком я тебе рассказывал.

Госпожа Хань замерла, приоткрыв рот. На мгновение во дворике воцарилась тишина. Наконец она совладала с собой, изящным движением коснулась жемчужного ожерелья на шее и натянула вежливую улыбку:

— Вот как... Что ж, проходите в дом, не стоит стоять на пороге. Чжан-ма, отнеси вещи молодого господина наверх и накрывай на стол, — распорядилась она, мягко перебив собиравшегося что-то сказать сына.

Отворачиваясь, госпожа Хань поспешила скрыть набежавшую тень замешательства.

<http://bllate.org/book/19677/2006470>